

3. *Nikonov V.A.* Putin's logic // *Strategiya Rossii*. №3. 2012. С.5-12.
4. <http://www.er.ru/news/2012/2/13/putin-stroitelstvo-spravedlivosti-socialnaya-politika-dlya-rossii/>
5. <http://www.referent.ru>
6. <http://www.rosmintrud.ru/social/social/110es>

References

1. *Bakaldina E.S.* Institutional structure of the social policy // *Srednerusskii vestnik obschestvennykh nauk*. №3. 2012. С.41-44.
2. *Bakaldina E.S.* Problems of forming of governmental social policy during the establishing of a social state in Russian Federation // *Vestnik gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya*. №2. 2011. С. 103-109.
3. *Nikonov V.A.* Putin's logic // *Strategiya Rossii*. №3. 2012. С.5-12.
4. <http://www.er.ru/news/2012/2/13/putin-stroitelstvo-spravedlivosti-socialnaya-politika-dlya-rossii/>
5. <http://www.referent.ru>
6. <http://www.rosmintrud.ru/social/social/110es>

УДК 271.2-76-051

К.В. БИРЮКОВА

кандидат исторических наук, доцент кафедры теологии
Российского государственного социального университета

E-mail: kristina_biryuko@mail.ru

UDC 271.2-76-051

K.V. BIRYUKOVA

PhD of History, Associate Professor of Theology
Department of Russian State Social University

E-mail: kristina_biryuko@mail.ru

МИССИОНЕР И УЧЕНЫЙ: О. ИАКИНФ (БИЧУРИН). (ПОРТРЕТ НА ФОНЕ ЭПОХИ)

THE MISSIONARY AND THE SCIENTIST: IAKINF (BICHYRIN). (PORTRAIT AGAINST THE ERA)

В статье исследуется судьба Никиты Яковлевича Бичурина (в монашестве названного Иакинф) – начальника девятой Русской духовной миссии в Китае, лингвиста и переводчика, ученого с мировым именем, одного из основателей отечественной синологии, члена Императорской Академии наук.

Ключевые слова: Китай, Духовная миссия, синология, китайско-русский словарь, Тибет, Монголия.

In article Nikita Jakovlevicha Bichurina's destiny is investigated (in a nunhood named Iakinf) – the chief of the ninth Russian spiritual mission in China, the linguist and the translator, scientific with the world name, one of founders domestic chinology, a member of the Imperial Academy of sciences.

Keywords: China, Spiritual mission, chinology, the china-russian dictionary, Tibet, Mongolia.

Никита Яковлевич Бичурин, в монашестве названный Иакинфом, «происходил из бедных слоев сельского духовенства, представители которых подвизались на поприще христианского просвещения чувашских крестьян. Его дед, Данил Семенов (предположительно, происходил из чувашских крестьян Чебоксарского уезда Казанской губернии), родился примерно в 1722-1724 гг. или же в 1721 г. До назначения в 1779 г. на должность дьячка Сретенской церкви с. Чемурша-Тинсарина Чебоксарского уезда, вероятно, обучался в новокрещенских школах при Зилантовском монастыре или же в Свяжске, открытых в 30-х гг. XVIII в. для подготовки проповедников христианской церкви из числа нерусских народов. В годы службы в Сретенской церкви в семье Данилова родились сыновья – Яков (1750), Иван (1755) и дочери – Варвара (1756 или 1757), Дарья (1760 или 1761). За усердное и долговременное служение церкви в 1764 г. Данил Семенов получил сан священника и со своим семейством переехал на службу в

Успенскую церковь с. Акулево-Типнеры Цивильского (с 1781 г. Чебоксарского) уезда». Его сыновья стали священноцерковнослужителями, а дочери вышли замуж за представителей духовенства.

Отец Н.Я. Бичурина, Яков Данилов, обучался в Казанской духовной семинарии, и после трех классов в 1770 г. стал дьяконом Акулевской церкви, где священником служил его отец [4, с.8].

В своей «Автобиографической записке» о. Иакинф указывает, что родился 29 августа 1777 г. в селе Бичурино Чебоксарского (до 1781 г. Свяжского) уезда Казанской губернии. П.В. Денисов утверждает, что по архивным документам местом его рождения было другое село, Акулево, но вскоре семья переехал в Бичурино (тогда писали «Пичурино») [4, с.8]. Собственно, отсюда и фамилия, данная ему при поступлении в семинарию.

Обучение Никиты началось в местной школе, созданной для детей новокрещенных чуваш. Меж тем Н.В. Никольский, изучавший историю христианско-

го просвещения чувашей в XVI-XVIII вв., указывал, что в архивохранилищах не сохранились сведения об учащихся новокрещенских школ за 1774-1785, 1787-1789 гг. [4, с.18].

Сам Н.Я. Бичурин вспоминает, что поступил в Казанскую семинарию (позже Академию) в восемь лет и даже приводит точную дату: 5 мая 1785 г. [5, с. 666], хотя исследователи приводят разные датировки его обучения. В Казанской семинарии (позже Академии) он проучился 14 лет. За время учебы произвел хорошее впечатление на возглавлявшего тогда Казанскую епархию и семинарию владыку Амвросия (Подобедова), который оказал большое влияние на его судьбу. По окончании обучения в 1799 г. Никита Яковлевич остался учителем грамматики в той же семинарии, переименованной уже в академию.

В 1800 г. он был пострижен в монашество с именем Иакинф. В воспоминаниях Н.С. Моллер озвучена романтическая история, связанная с его постригом: Никита и его двоюродный брат, Александр Карсунский, влюбились в одну девушку, Татьяну Саблукову. И приняли решение, что один из них женится на ней, а другой пострижется в монахи. Девушка выбрала Александра.

Поскольку монашеский постриг разрешался не ранее 30 лет, священноначалие добавило ему в документах возраст: вместо действительных 23 лет записали 30 [4, с.35].

После окончания Академии в 1801 г. Н.Я. Бичурин стал настоятелем Иоанновского монастыря в Казани [7, с.106]. В июне 1802 г. он был назначен ректором Иркутской семинарии, с возведением в сан архимандрита. Архимандрит Иакинф Бичурин прибыл в Иркутск 4 августа 1802 г., принял в управление Вознесенский монастырь и семинарию, стал членом Иркутской духовной консистории [4, с.39]. В Вознесенском монастыре он начал строительство новых помещений, в семинарии учредил богословский класс и преподавание новых дисциплин: апологетическое, догматическое и нравственное богословие, экклезиология, экзегетика и археология церкви. Ввел преподавание и светских дисциплин (географии, истории, новых иностранных языков – немецкого и французского), восстановил изучение монгольского языка, расширил книжные фонды библиотеки [4, с.41].

Л.Н. Харченко констатирует, что историки просвещения и культуры Сибири, такие как Н.С. Юрцовский, А.И. Копылов и др., отмечая, что окончательно семинария в Иркутске сформировалась лишь в 1802 г. с открытием при ней богословского класса, по каким-то причинам совсем не упоминали имени ее первого ректора архимандрита о. Иакинфа [13, с. 131].

Пребывание его в Иркутске окончилось конфликтом с семинаристами: по семинарии прошел слух, что в келье отца-архимандрита под видом послушника живет девушка. Дело дошло до суда. Полицейские чиновники установили, что Наталья Петрова, прибывшая с о. Иакинфом из Казани под видом его келейника Адриана Иванова, была бывшей дворовой отставного прапорщика Дмитрия Харламова, отпущенной вместе с

матерью на волю 10 октября 1799 г. 23-летняя Наталья на допросах отрицала свое знакомство с о. Иакинфом. Сам же архимандрит на «вопросные пункты» Иркутской консистории с требованием разъяснить свою связь с Натальей ответил, что «все сии запросные пункты почитает такой нелепостью, объяснения на которые не можно дать никакого, а на все последующие он ответствовал – нет» Следствие затягивалось. Наталья же неожиданно исчезла из Иркутска, сведения о чем очень противоречивы [4, с.44-45].

О. Иакинф был лишен права священнослужения и ношения архимандричьего креста. Специальным указом Синода от 29 января 1806 г. за № 382 он был смещен с должности ректора Иркутской духовной семинарии и настоятеля Вознесенского монастыря, «запрещен в священнослужении» и отправлен в Тобольский Знаменский монастырь в распоряжение архиеп. Антония. Синод рекомендовал местному Преосвященному определить нового узника в «учительскую по семинарии должность под присмотром и наблюдением духовной особы» [13, с. 132].

Как и в Иркутске, о. Иакинф в Тобольске изучает историко-этнографические и географические сочинения о народах Сибири и восточных стран. Настоятель Иркутского Знаменского монастыря, куда определили о. Иакинфа, архим. Михаил в ежегодных доношениях Тобольскому архиепископу отмечал, что «Препорученный в смотрение мое бывший Иркутской семинарии ректор архимандрит Иакинф с самого прибытия его сюда вел себя честно и трезво с соблюдением всех монашеских правил и должность по семинарии учителя красноречия исполнял неупустительно и с похвальным успехом». Тобольский архиепископ также дает положительный отзыв об о. Иакинфе [4, с. 47-48].

Еще в Иркутске о. Иакинф знакомится с графом Ю.А. Головкиным, которому поручено было возглавить российское дипломатическое посольство в Китай. С этим посольством должен был отправиться в Пекин и новый, девятый по счету, состав духовной миссии. Начальником миссии был определен архиеп. Мелхиседек, но он, сославшись на болезнь, отказался. Новым кандидатом стал учитель школы Тихвинского монастыря иером. Аполлос, который, по всей видимости, не желал этой поездки. Кроме того, о. Аполлос, да и остальные члены миссии (иером. Серафим и Аркадий, иерод. Нектарий, причетники – Василий Яфицкий, Константин Пальмовский, студенты – Маркел Лавровский, Лев Зимайлов, Михаил Сипаков и Евграф Громов), по уровню подготовки не соответствовали требованиям, предъявляемым к составу духовной миссии по новому положению и инструкции Синода от 12 мая 1805 г.

Познакомившись с о. Иакинфом, граф Головкин, видимо, счел его более подходящим кандидатом на место начальника духовной миссии в Китае. П.В. Денисов предполагает, что еще в Санкт-Петербурге митр. Амвросий (Подобедов) мог предложить Головкину кандидатуру о. Иакинфа. Император Александр I поначалу не соглашался на это, но настойчивость Головкина,

при поддержке владыки Амвросия, и положительные отзывы об о. Иакинфе от тобольского архиепископа, видимо, убедили его. В мае 1807 г. Иакинф получил соответствующий указ Синода и выехал в Иркутск [4, с.50-51].

18 июля 1807 г. миссия выехала из Иркутска и 17 сентября того же года отправилась самостоятельно из Кяхты в Пекин. В качестве распорядителя-пристава миссию сопровождали капитан Семен Первушин, секретарь Михаил Попов, переводчик Яков Братюков, казачий сотник Щукин, которому было поручено делать в пути зарисовки с натуры. Однако результаты его творческой деятельности неизвестны [4, с. 52].

В отличие от католических христианских миссий, действовавших в Китае с XVIII столетия и к началу 20-х годов XIX в. имевших здесь 6 епископов, 23 священника, 80 священников из местного населения, специальные семинарии и школы и 215 тыс. обращенных в католичество, Российская православная миссия не располагала образованными кадрами, находилась в трудных экономических условиях, имела небольшой численный состав (в составе девятой миссии было 11 человек) [4, с. 56]. По инструкции о. Иакинф должен был вступить в контакт с католическими миссионерами разных европейских государств, имевшими многовековой опыт проповеднической деятельности в Китае, и изучить их опыт работы [4, с. 52]. Действительно, о. Иакинф подружился с настоятелем Южного монастыря португальской миссии Рибейро и его сподвижником Константом Перейром, благодаря которым он получил доступ к библиотеке португальской миссии [4, с.78]. Там он знакомится с трудами западноевропейских синологов: А. Семедо, Ж.Ф. Майя, Ж.Б. Грозье, Ж.Б. Дюгальда.

Российская духовная миссия по сути являлась неофициальным представительством России в Китае. В миссии проходили обучение выдающиеся китаеведы И.К. Россохин, А.Л. Леонтьев, А. Агафонов, С.В. Липовцов [11, с. 1102]. Некоторые из них по возвращении трудились в Азиатском департаменте МИДа.

Деньги, ассигнованные на содержание миссии, на каждый год по 6500 руб. серебром, были выданы в Иркутской казенной экспедиции в слитках чистого серебра (94 пробы) на 6 лет вперед, при этом пуд серебра считался в 1000 рублей. Кроме того, по указанию Синода члены миссии получили единовременную субсидию: архимандрит – 750 рублей, монахи и студенты – по 200 рублей, церковники – по 150 рублей серебром [4, с.52]. Но их не хватало. В рапортах в Синод за 1808 г. архимандрит Иакинф выразил серьезную озабоченность финансовым положением миссии, а также информировал Синод о занятиях членов миссии, предлагал более тщательно подбирать миссионеров, преобразовать работу миссии [4, с.58]. После начала войны с наполеоновской Францией царское правительство перестало посылать средства на содержание миссии, и хозяйство ее постепенно пришло в упадок. Для того чтобы регулярно выплачивать жалованье своим подчиненным, о. Иакинф вынужден был распродавать цер-

ковное имущество и закладывать монастырские дома и земли. Деньги из Санкт-Петербурга стали поступать только в 1815 г., после Венского Конгресса [11, с. 1100].

Первый биограф Н.Я. Бичурина Н. Адоратский писал: «Основавшись в Пекине, о. Иакинф поставил задачей своею как можно основательнее ознакомиться с неведомой страной и ее литературой и в 13 лет так изучил ее, так сроднился с ней, так полюбил, что, по словам знавших его, сам сделался похожим на китайца по внешнему виду. Физиономия его решительно носила выражение, какое имеют китайцы. Главным секретом успеха в изучении китайского языка о. Иакинф обязан был, помимо своих блестящих способностей, постоянными сношениями своими с китайцами, монголами, маньчжурами, тибетцами, туркестанцами и корейцами. Одетый в китайское платье, требующее очень сложного туалета, он постоянно вращался среди этого разноплеменного люда, наполняющего Пекин или окрестности его» [11, с. 1100].

Из рапортов о. Иакинфа видно, что в течение 1808-1809 гг., помимо перевода краткого катехизиса, он занимался переводом на китайский изложения греко-русского православного учения, краткой священной истории и «некоторых мест из литургии, дабы мало-помалу вводить в служение употребление оных на тамошнем языке, что необходимо нужно для просвещения потомком албазинцев, искренне желающих вступить в христианство» [4, 59].

Одним из ценнейших научных достижений о. Иакинфа является составленный им за время пребывания в Китае китайско-русский словарь. О. Иакинф по прибытии в Пекин на другой же день начал заниматься китайским языком [5, с. 666]. «По сие время не имеем мы порядочного на китайском и маньчжурском языке лексикона. Я предпринял написать словарь китайский следующим образом. Покупать все ископаемое, все произрастающее и все живущее, равно и все вещи неизвестные иметь в натуре и в моделях. После сего обучаться или поверхность проходить разные художества и ремесла, дабы увидеть все собственными очами, точнее узнать значение одной и той же буквы в разных употреблениях и купно иметь сведения в разных вещах. В минувшем году собрано довольно птиц, дерев, цветов и трав и заведен ботанический сад подле моих покоев. Сверх сего занимаюсь собранием лексикона и других нужных книг китайских. В лексиконе моем при переводе букв приобщены будут такие краткие описания произведений природы, отличных по виду и породе, всех религий и с обрядами, всех узаконений и с обычаями, всех художеств и с орудиями» [4, с. 63-64], – отчитывается он Синоду в 1810 г. Составлялся словарь иногда так: «В Пекине и большия и средния улицы наиболее состоят из лавок и разных торговых заведений: почему в ясную погоду он обыкновенно прогуливался по улицам, и если видел где вещь, не известную ему на китайском языке, то просил сидельца написать название оной по-китайски, а внизу подписывал название на русском языке» [5, с. 666].

О. Иакинф желал остаться в Китае на второй срок

для продолжения своих научных занятий. В ноябре 1816 г. он обратился в Синод с этой просьбой, и указал, что «если правительству потребны политические и географические сведения о Империи Китайской в настоящем времени, то не должно оставлять меня в Пекине» [4, с. 71]. Остаться ему не разрешили. 15 мая 1821 г. члены 9 миссии двинулись в обратный путь и 1 августа 1821 г. прибыли в Кяхту [4, с. 83]. Ящики с книгами, рукописями и иными предметами научной ценности весили около 400 пудов, ими было навьючено 15 верблюдов, и за доставку их до Кяхты подрядчику было заплачено около 750 руб. серебром [4, с. 80]. По возвращении из Китая ему было 45 лет. Привезенные из Китая книги были отобраны. О. Иакинф обратился к обер-прокурору А.Н. Голицину, который заинтересованно отнесся к его научным трудам и помог вернуть книги [7, с. 105].

Разрешение из Петербурга на выезд из Кяхты все не приходило, а средства на проживание у миссионеров заканчивались. В Иркутске о. Иакинф продолжает научные труды. По некоторым данным, совершает поездку в Верхнеудинск, к монголоведу А.В. Игумнову, с которым был знаком еще до своего отъезда в Китай [с. 85]. На обратном пути из Иркутска посещает Казань и Казанскую Академию [4, 86]. По утверждению некоторых авторов, по дороге в Петербург в 1821 г. Иакинф Бичурин заехал в родное село и прожил там несколько дней. 17 января 1822 г. он прибыл в Петербург, и был размещен в Александро-Невской Лавре [4, с. 87].

П.И. Каменский (1765-1845), занявший пост начальника миссии, был поражен запустением ее дел. Он направил в Петербург донесение, в котором так охарактеризовал деятельность о. Иакинфа, что тот по возвращении в Россию был предан суду св. Синода. Обвинения поддержал иркутский генерал-губернатор Н.И. Трескин, до которого и раньше доходили жалобы от китайских властей на состояние дел миссии и поведение ее членов.

П.В. Денисов приводит в своем труде те нелепые обвинения, которые были предъявлены о. Иакинфу: «Архимандрит Иакинф, навлекший на себя, в бытность еще в Иркутске, близкое подозрение в соблазнительном и предосудительном поступке держанием при себе вместо послушника девки, после сделанного испытания над поведением его удостоен был высочайшей милости государя императора к занятию места начальника при Миссии Российской, в 1807 г. в Пекин отправленной. Но он, вместо того, чтобы с преимуществами, ему предоставленными, сохранить обязанность столь важного поручения и стараться изгладить совершенно прежнее о себе замечание, как оправдать наипаче высокопоставленное внимание и доверенность, омрачил поведение свое в продолжение пребывания в Пекине и по возвращении оттуда следующими законопротивными поступками с опущением обязанностей по должности: 1. По прибытии в Пекин не сам принимал от предместника монастырское и церковное имущество, но поручал иеромонаху и не имел исправной описи имуществу монастырскому, в противность указа из Св. Синода от 17 июля 1788 г., а продолжая далее беспечность свою, до-

пустил находящихся при миссии до пьяного буйства и другого рода дерзостных поступков, также расхищения и заклада в частные руки монастырских и церковных вещей. И не только не пресекал таких пороков, но даже сам снятое с одной митры гнездо камней употреблял к китайской шапочке. 2. Находясь в Пекине, не занимался с 1814 г. никаким священнодействием, под ничтожным предлогом неимения иердиакона, и, не приобщаясь святых тайн, не исполнял долга, каждому христианину необходимого, а притом не ежегодно даже исповедовался. 4. Держал в Пекине, под видом услуг, молодым лет китайца, которого причетник Пальмовский не без важных причин представил в тамошний Департамент иностранных дел для возвращения отцу. 5. Самовольно сломал колокольню и продал пять церковных домов. 6. Удостоил христианского погребения травившего себя ядом ученика Громова в противность 14 правила Тимофея, архиепископа Александрийского. 7. Над подчиненными употреблял он, Иакинф, меру наказания не столько исправительную, сколько жестокую и несоответственную ни званиям, ни вине, отчего происходили жалобы к самому китайскому правительству и стыд и нарекания Миссии. 8. Допустил он, архимандрит, и себя и иеромонахов быть публичными зрителями китайских потешных огней. С отзыванием же его, Иакинфа, из Пекина новые он обнаружил доказательства испорченной нравственности и усыпления совести, ибо: 1. Взял из Иркутска 12-летнего мещанского сына, ехал с ним в одной повозке и спал на одной кровати, даже здесь в Лавре до самого начала дела. 2. Имея пребывание в Лавре, в великий пост играл в карты и попустил иметь иметь при своей келье коровье молоко для употребления якобы показанному мещанскому сыну и поступившему в Санкт-Петербургский университет соборного ключаря Фелицына сыну. 3. И, наконец, 10-е. Найдено у него, Иакинфа, во время проводимого здесь изыскания письмо от женщины, самим им не отвергаемое, чтобы оно не к нему было написано, наводит на подозрение в любодейной связи, потому что в письме сем упоминается о рождении женщиною младенца от того человека, к кому оно писано...» [4, с. 91].

Первоначально консистория постановила выслать о. Иакинфа в Троице-Сергиеву пустынь на год. 19 февраля 1823 г. постановление Синода приговорило его к ссылке на Соловки на вечное поселение. 23 августа 1823 г. указ Св. Синода был официально утвержден Александром I, который высочайше соизволил внести в него лишь некоторую поправку, предложив содержать опального монаха Иакинфа Бичурина, вместо заключения в Соловецком монастыре, под строгим присмотром на Валааме [4, с. 92].

Никита Яковлевич провел в Валаамской ссылке 4 года. Лишь в 1827 г. после многих усилий и благодаря помощи нескольких влиятельных чиновников высокого ранга и деятелей культуры – государственного деятеля и дипломата Николая Петровича Румянцева (1754-1826), начальника учебного отделения восточных языков при Азиатском департаменте МИДа, историка, лингвиста и библиографа Федора Павловича Аделунга

(1768-1843), этнолога, лингвиста и историка Андрея Михайловича Шегрена, чиновника Азиатского департамента, пристава девятой духовной миссии Егора Федоровича Тимковского (1790-1875), востоковеда, высокопоставленного чиновника МИДа Павла Львовича Шиллинга фон Капштадта (1786-1837) – Н.Я. Бичурину удалось возвратиться из ссылки. Решением Николая I по докладу министра иностранных дел Карла Васильевича Нессельроде (1780-1862) он был причислен к Азиатскому департаменту МИДа для перевода официальных бумаг с китайского языка и определен на жительство в Александро-Невскую лавру [11, с.1100]. 20 октября 1826 г. Николай I высочайше повелел «бывшего при Пекинской миссии архимандрита перевести в Санкт-Петербург в Александро-Невскую лавру, дабы он по знаниям своим в китайском и маньчжурском языках мог быть полезен государственной коллегии иностранных дел» [7, с. 106]. Он жил в Лавре в двухкомнатной келье до конца своих дней (май 1853)» [1, с. 8-9].

На Валааме он продолжает научные труды и постепенно приобретает авторитет как ученый-синолог. Причем не только в России: 7 марта 1831 г. Н.Я. Бичурин был избран почетным иностранным членом Азиатского общества в Париже. По этому поводу на заседании общества с рефератами о трудах Бичурин выступили видные французские востоковеды – Абель Ремюзе, Эжен Бюрнуф и Ластейри [4, с. 132].

В 1830-1831 гг. по заданию Министерства иностранных дел о. Иакинф предпринял поездку в Кяхту. По поводу поездки в Забайкалье в 1830 г. Бичурин пишет в Азиатский Департамент записку, где излагает причины, побудившие его присоединиться к экспедиции Шиллинга: «Причины, побудившие меня ехать в Кяхту, суть: 1. Нужно составить пространную грамматику языка китайского, что удобнее могу сделать в Кяхте, получая нужные по сему предмету сведения от китайцев лично. 2. Китайский словарь, переведенный мною на язык российский и расположенный по тонам, для удобнейшего употребления, привесть в новый порядок по ключам, а для обширной сей переписки набело требуется употребить китайцев. 3. Для предлагаемого мною сочинения, пространного описания Китайской империи, нужно получить от китайцев дальнейшие сведения по разным предметам, входящим в состав сего описания. 4. Для сей же причины границу Восточной Сибири, определенную мирным договором 1727 г., нужно проверить на месте по картам российским и китайским. 5. В продолжении сих занятий постараюсь приобрести практические сведения в языке монгольском, часто нужном для пояснения исторических происшествий сего народа, и сверх сего узнать образ жизни, нравы и обычаи монголов российского подданства, дабы из сравнения увидеть, в чем разнятся они от монголов заграничных и по какому влиянию. 6. По желанию кягтинских комиссионеров намереваюсь заняться преподаванием сочиненных мною «Основных правил китайской грамматики», через что мало помалу устранятся затруднения, которые препятствовали им до сего времени приступить к изучению китайского языка,

столь нужного для ежедневных торговых сношений с китайцами» [4, с.142].

Кроме всего этого, согласно высочайше утвержденной инструкции, монах Иакинф обязан был помочь начальнику экспедиции собрать сведения о торговле России с Китаем, изыскивать средства для расширения этой торговли, исследовать все достопримечательности в хозяйстве и природе края, собирать этнографические коллекции по бурятам и т.п. [4, с.142].

Еще одну поездку в Кяхту он осуществил в 1835-1837 гг., чтобы организовать там училище китайского языка. Для этого учебного заведения, программа которого впервые в России предусматривала обучение живому китайскому языку, Бичурин написал китайскую грамматику на русском языке и составил пространную программу четырехлетнего обучения [11, с.1102-1102]. П.В. Денисов пишет, что это было частное учебное заведение, существовавшее на средства местного купечества, и не совсем ясно, когда оно было открыто [4, с.149]. О. Гринцевич утверждает, что училище просуществовало 25 лет [3, с.32].

В письме из Кяхты от 13 сентября 1830 г. к министру иностранных дел К.В. Нессельроде о. Иакинф просит об исключении из духовного звания: «При вступлении моем в Министерство иностранных дел Вашем Превосходительству угодно было предложить мне о снятии сана монашеского, дабы чрез сие устранить затруднения, могущие произойти от противоположности звания со службою. Приняв с должною признательностью столь лестный знак внимания ко мне Вашего Превосходительства, я не решился оставить сан, в коем провел более 25 лет, надеясь избежать скромностью жизни от всех нареканий. Но четырехлетний опыт доказал мне, что никакие усилия не могут превозмочь общепринятого образа мыслей, а потому я не столько заботаюсь о себе, сколь о святости иноческого сана, коего обеты в самом глубоком уединении столь трудно выполнять, решился просить Ваше Превосходительство о исхадотайствовании мне перемены звания, тем более, что я, учеными трудами своими, смею надеяться, уже доказал, что я ни в каком месте не могу служить Отечеству с большею пользою как при Министерстве ин. дел» [4, с.151].

Просьба была поддержана бароном Шиллингом и министром иностранных дел графом Нессельроде, настоятель Александро-Невской Лавры дал положительный отзыв об о. Иакинфе, и ему велено было написать соответствующее прошение в Синод. Синод в ответ информирует начальника экспедиции Шиллинга о том, что снятие сана с о. Иакинфа поручено нижегородскому архиепископу и произведено будет при возвращении Н.Я. Бичурин из Сибири в Петербург. Но во время этого возвращения Синод велит следовать в столицу, не задерживаясь в Н. Новгороде [4, с.153]. Лишь в середине мая 1832 этот вопрос был вновь поднят, и Синод постановил вынести его на усмотрение императора. Николай II в снятии монашеского сана отказал [4, с.166-167]. О. Иакинф при поддержке Шиллинга вновь обращается к Нессельроде, но граф, очевидно, не решился по-

вторно ходатайствовать об этом перед императором [4, с.168-169].

Первой опубликованной его работой стала научно-публицистическая брошюра «Ответы на вопросы, которые г. Вирст предложил г. Крузенштерну относительно Китая» (1827). В ней содержались сведения познавательного-практического характера о торговле, экономике, социальной жизни тогдашнего Китая. Позднее «Ответы» вошли в качестве IX главы в книгу «Китай, его жители, нравы, обычаи и просвещение». Затем на протяжении 1828-1830 гг. Бичурин выпустил в свет большое число статей в российских и зарубежных журналах и 6 книг: «Описание Тибета в нынешнем его состоянии» (1828), «Записки о Монголии» (1828), «Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнейшем и нынешнем состоянии» (1829), «История первых четырех ханов из дома Чингисова» (1829), «Сан-цзы-цзин, или Троеслово. С литографированным Китайским текстом» (1829), «Описание Пекина. С приложением плана сей столицы, снятого в 1817 г.» (1829) [11, с.1101]. Для этого плана потребовался целый год, в течение которого он, Иакинф, буквально измерил шагами Пекин.

Подробные сведения о его научных трудах находим в «Автобиографической записке»: «1. Описание Тибета в нынешнем его состоянии. 1 кн. Спб., 1828 г. 2. Записки о Монголии. Спб., 1828. 3. Описание Чжунгарии и Восточного Тюркистана в древнем и нынешнем состоянии. Спб., 1829. 4. Сан-цзы-цзинь или Троеслово с литографированным китайским текстом. Спб., 1829. Описание Пекина, с приложением плана сей столицы, снятого в 1817 г. Спб., 1829. 5. История первых четырех ханов из дома Чингисова, с картою похода их как в Монголию, так и внутри Китая. Спб., 1829. 6. История Тибета и Хуунора, с 2282 года до Р.Х. до 1227 года по Р.Х. Спб., 1833. 7. Историческое обозрение Ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. Спб., 1834. В 1835 году Императорская Академия Наук удостоила сие сочинение полной Демидовской премии. 8. Хань-вынь ци-мынь или китайская грамматика. Спб., 1838. Оно издано для училища китайского языка, которое открыто в Кяхте в 1834 году. В 1839 году Императорская Академия Наук удостоила сие сочинение полной Демидовской премии. 9. Китай, его жители, нравы, обычаи и просвещение. Спб., 1840. 10. Статистическое описание Китайской империи, с приложением географической карты на пяти листах. Спб., 1842. Оно в 1843 г. удостоено половинной Демидовской премии. 11. Земледелие в Китае, с 72 чертежами разных земледельческих орудий. Спб., 1844» [5, с. 669-670].

Важным событием стало опубликование энциклопедического труда о Иакинфе «Китай в гражданском и нравственном состоянии» (1848). Некоторые наблюдения и выводы, сделанные в этой работе, впоследствии составили базу для научного исследования этнопсихологии китайцев. Тогда же Академия наук поручила Н.Я. Бичурину написать труд по истории народов Средней Азии. В результате появилось фундаментальное сочинение в трех томах «Собрание сведений о на-

родах, обитавших в Средней Азии в древние времена», впервые опубликованное в 1851 г. [11, с. 1102].

«С января минувшего 1846 г. о. Иакинф занимается составлением истории народов, обитавших в Средней Азии со II века до Р.Х. по IX по Р.Х. Сия история пишется по программе, данной ему Императорскою Академиею Наук, и в 1848 году будет кончена» [5, с. 671], – свидетельствует «Автобиографическая записка».

О. Иакинф был желанным гостем в литературных салонах столицы, в частности в салоне княгини Зинаиды Волконской, был близко знаком с А.С. Пушкиным, И.А. Крыловым, В.А. Жуковским, В.Ф. Одоевским, П.А. Вяземским. Встречался с В.Г. Белинским и Н.А. Некрасовым, И.И. Панаевым [1, с. 9]. В период пребывания в Забайкалье (1830-1831 гг., 1835-1837 гг.) Н.Я. Бичурин близко познакомился с ссыльными декабристами. Особенно тесная дружба установилась у него с братьями Бестужевыми и И.И. Пушным. Н.А. Бестужев подарил ему четки с крестом, сделанные из кандалов, и написал его портрет, хранящийся ныне в Кяхтинском краеведческом музее [1, с.10].

О. Иакинф был не только миссионером и ученым с мировым именем, одним из основателей отечественной синологии. Почетный член Азиатского общества в Париже, член Академии Наук, четырежды лауреат престижной Демидовской премии. Его труды до сих пор не потеряли своей актуальности. Его подход к изучению Китая прекрасно иллюстрирует диалог с А.С. Пушкиным, приведенный в романе об о. Иакинфе:

«– Но ведь о Китае в Европе написаны горы книг и переведено, кажется, немало?»

– Да, да, написаны. И переведены. Но как? По большей части-то они вроде новой Великой стены. На сей раз возведенной же не китайцами, а европейцами. Дозвольте мне спросить вас, милостивый государь, кто писал в Европе о Китае? Случайные путешественники, а более всего – римско-католические вероучители. Да, они вроде описали и обозрели Китай со всех сторон. Эдакие вот фолианты исписали. И все-таки сведения, которые они сообщили Европе, очень уж односторонни и до нелепости не полны... Но что самое важное – почти все они пропитаны предубеждением, а то и откровенной издевкой. А чтобы правильно понять чужую страну, надобно отрешиться от предвзятостей, не ограничивать взор свой отечественными шорами, не мерить все на свой европейский аршин» [9, с.184].

В период 1827-1851 гг., при его жизни, были опубликованы около 70 его работ, и почти столько же по сей день пребывают в рукописи [11, с. 1099]. В 2002 г. были переизданы его труды «Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение», «Статистическое описание китайской империи» и «Китай в гражданском и нравственном состоянии» [3, с.32].

Библиографический список

1. *Арсеньева-Бичурина М.И.* Отец Иакинф. Кто он? М., 2002.
2. *Виктор Романов.* Вольнодумец в рясе (Никита Бичурин) // В кн.: Романов В. Драммы. Чебоксары. 1987 пьеса.
3. *Гринцевич О.* Русская Духовная миссия в Китае. О. Иакинф, простой монах и блестящий ученый // Истина и жизнь. 2006, №9. С.30-33
4. *Денисов П.В.* Слово о монахе Иакинфе Бичурине. Чебоксары, 2007.
5. *Иакинф Бичурин.* Автобиографическая записка. СПб., 1855.
6. *Казеннов Е.* Путь к Великой стене // Дальний Восток. 1973, №12. С.139-140
7. *Карпова Е.Е.* Ученый-синолог и миссионер отец Иакинф // В кн.: Записки Гродековского музея. Вып.2: История России на дальневосточных рубежах. Хабаровск, 2001.
8. *Кривцов В.О.* Иакинф. Роман. Лениздат, 1978.
9. *Бежин Л.* Годы странствий отца Иакинфа // Наш современник. 1979, №12. С.183-184
10. *Лурье С.* Звезда. 1979, №6. С.214-215
11. *Мясников В.Ф., Попова И.Ф.* Вклад о. Иакинфа в мировую синологию. К 225-летию со дня рождения члена-корреспондента Н.Я. Бичурина // Вестник Российской Академии Наук. Т.72. 2002 г. №2. С.1099-1106
12. *Таланова А., Н. Ромова.* Друг Чжунго. Повесть. М., 1955.
13. *Харченко Л.Н.* Первый ректор иркутской духовной семинарии о. Иакинф (Н.Я. Бичурин) // В кн.: Русская Православная Церковь в Сибири: история и современность. Улан-Удэ. 2003. С. 130-134.
14. *Эльвира Кузнецова.* Начало пути. Документальная повесть. Чебоксары, 1979.

References

1. *Arsenyeva-Bichurina M.I.* Father Hyacinth. Who is He? M., 2002
 2. *Viktor Romanov.* Free Thinker in a Robe (Nikita Bichurin) // In: Romanov V. Dramas. Cheboksary, 1987. Play
 3. *Grintsevich O.* Russian Spiritual Mission in China. F. Hyacinth, a Simple Russian Monk and Brilliant Scholar. // Istina I zhizn'. 2006 №9. p. 30-33.
 4. *Denisov P.V.* A Word about Monk Hyacinth Bichurin. Cheboksary, 2007.
 5. *Hyacinth Bichurin.* Autobiographic Note. Spb., 1855.
 6. *Kazenov Ye.* A Road to the Great Wall // Dalnii Vostok. 1973, №12. P.139-140
 7. *Karpova Ye.Ye.* Sinology Scholar and Missioner Father Hyacinth // In: Notes of Grodekovsky Museum. Issue 2: History of Russia in the Far East. Khabarovsk, 2001.
 8. *Krivtsov V.O.* Hyacinth. Novel. Lenizdat, 1978.
 9. *Bezhin L.* Years of Father Hyacinth's Wanderings // Nash Sovremennik. 1979, №12. P. 183-184
 10. *Lur'ye S.* Star. 1979, №6. P.214-215
 11. *Myasnikov V.F., Popova I.F.* Father Hyacinth's Contribution to World Sinology. To the 225th Anniversary of Corresponding Member N. Ya. Bichurin// Messenger of the Russian Academy of Sciences. V.72. 2002. №2. P.1099-1106
 12. *Talanov A., Romova N.* Friend Chjoungo. Novel. M., 1955
 13. *Kharchenko L.N.* First Rector of Irkutsk Seminary Father Hyacinth (N.Ya. Bichurin) // In: Russian Orthodox Church in Siberia: History and Modernity. Ulan-Ude. 2003. P. 130-134.
 14. *Kuznetsova E.* Beginning of the Way. Documentary story. Cheboksary, 1979.
-